

ства) и губернских (под председательством губернского предводителя дворянства) советов братств. Состав каждого из вышестоящих советов должен был формироваться путем выборов (по 2 представителя от каждого из нижестоящих). При этом в состав советов планировалось ввести дополнительно представителей местной администрации: в приходские и участковые – начинающих службу кандидатов на административные должности, «для которых подобное назначение было бы прекрасной школой их будущей деятельности», а в уездные и губернские – представителей всех местных органов власти [3, с. 257–258].

Председатель Бельского комитета, уездный предводитель дворянства Н. А. Кошелев также предлагал организовать мелкую земскую единицу на базе всесословного прихода с упразднением сословного характера волости и передачей приходу административных, судебных, хозяйственных, церковных и образовательных функций [3, с. 386].

Таким образом, в губерниях Северо-Западного края ключевыми являлись вопросы организации избирательной системы земского самоуправления (причем большинство выступало за выборное начало), а также возможность введения мелкой земской единицы (в том числе и на базе церковного прихода). В апреле 1903 г. в крае было введено самоуправление по проекту Д. С. Сипягина, однако вопрос о выборном земстве продолжал оставаться открытым.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. IV. Виленская губерния. – Санкт-Петербург, 1903. – 212 с.
2. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. V. Витебская губерния. – Санкт-Петербург, 1903. – 534 с.
3. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XI. Гродненская губерния. – Санкт-Петербург, 1903. – 544 с.
4. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XVI. Ковенская губерния. – Санкт-Петербург, 1903. – 185 с.
5. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXI. Минская губерния. – Санкт-Петербург, 1903. – 435 с.
6. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXII. Могилевская губерния. – Санкт-Петербург, 1903. – 167 с.

УДК 34.047

А. А. Сорокин

ВОПРОС О РЕФОРМЕ МЕСТНОГО СУДА В НАЧАЛЕ XX В. В МЕСТНЫХ КОМИТЕТАХ ГУБЕРНИЙ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ

Аннотация. Рассматриваются основные подходы к реформе местного суда, предложенные в местных комитетах Особого Сопещения о нуждах сельскохозяйственной промышленности в

губерниях Северо-Западного края. Показана взаимосвязь между действием в губерниях институтов земских начальников и мировых судей и содержанием предлагаемых проектов.

Ключевые слова: волостной суд, земские начальники, мировой суд, обычное право, Северо-Западный край, судебная реформа.

К началу XX в. проблема реформы местного суда оставалась одной из самых обсуждаемых. Одной из площадок для дискуссий стали местные комитеты Особого Сопещения о нуждах сельскохозяйственной промышленности, действовавшие в 1902–1903 гг.

Северо-Западный край в плане организации местного суда в этот период был примечателен тем, что в одних губерниях уже действовали земские начальники, которым подчинялись волостные суды (в Витебской, Минской и Могилевской), а в других еще сохранился институт мирового суда (на территории Виленского генерал-губернаторства, т. е. в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях).

Необходимость реформы осознавалась представителями губернской администрации. Так, могилевский губернский предводитель дворянства Ф. Я. Хоментовский предлагал провести пересмотр законодательства о крестьянах [6, с. 36]. Трокский комитет относил сам факт существования «в высшей степени несправедливого, обособленного» сословного суда к одной из главнейших проблем деревни и крестьянского быта [1, с. 201].

Критиковал крестьянский суд и председатель Гродненского уездного комитета: «Волостные судьи, будучи часто людьми неграмотными, выполняют функции волостного суда по выбору как натуральную повинность, не получая за это никакого жалованья, вследствие чего легко поддаются подкупам, угощению и т. п. и не всегда разрешают дела беспристрастно» [3, с. 461]. Нелестные отзывы прозвучали и от самих крестьян: «кто богаче, тот и выигрывает дело» [3, с. 462]. В табл. 1 сведены основные предложения, выработанные местными комитетами [1, с. 97, 179–180, 201; 2, с. 92–93, 370; 3, с. 173, 178, 378, 462; 4, с. 51, 143, 165–166; 6, с. 10, 73].

Как видно из табл. 1, самым рассматриваемым вариантом реформы волостного суда было введение апелляционной инстанции, которая смогла бы корректировать судебные ошибки или предвзятые решения.

Управляющий государственными имуществами А. И. Волкович подал в Гродненский губернский комитет совместную с лесным ревизором Ф. Г. Прохоровым записку об организации института волостных начальников. В их лице предлагалось соединить административную и судебную власть за счет объединения компетенций станового пристава, мирового посредника, мирового судьи и волостного старшины. Суд волостного начальника тем самым стал бы составлять первую инстанцию (вместе с сохраняемыми волостными судами), а вторую – съезд волостных начальников [3, с. 195–196].

Председатель комитета, исполнявший должность губернатора П. А. Столыпин счел этот проект преждевременным, поскольку, во-первых, по его мне-

Вместе с тем комитет признал необходимость реформы, хотя и отметил, что таковая возможна не ранее изменения всего законодательства о крестьянах. В качестве компромисса было взято предложение Гродненского уездного комитета: установить для волостного суда апелляционную инстанцию в виде съезда мировых посредников под председательством предводителя дворянства и при участии товарища прокурора с возможностью кассации в губернском по крестьянским делам присутствии [3, с. 173, 462].

Председатель Шавельского комитета, мировой посредник Н. И. Чепыжников считал, что если упразднить волостные суды, то тогда резко возрастет нагрузка на мировые. Поэтому он полагал, что оптимальный вариант – установить апелляционную инстанцию в виде съезда мировых посредников, которая корректировала бы крестьянское правосудие [4, с. 165–166].

Еще одна проблема крестьянского правосудия, по мнению комитетов, заключалась в обычном праве. Известный лингвист, создатель фундаментального словаря белорусского языка И. Ф. Цихинский писал в докладе Чериковскому комитету, что на основе обычного права суд «делает все в пользу того, кто сумеет перетянуть судей на свою сторону или поставить свидетелей, какие выгодны для его дела» [6, с. 165].

Виленское общество сельского хозяйства, критикуя волостную юстицию за неопределенность и шаткость обычного права, выступало за подчинение крестьян общему для всех сословий правопорядку и отказу от использования некодифицированных норм в правосудии [1, с. 47]. Невельский комитет постановил, что дальнейшей целью правительства должно стать уравнивание крестьян в правах с другими частными владельцами в личных и имущественных отношениях, в целях чего предлагалось провести кодификацию обычного права [2, с. 370].

При этом отказ от обычного права вызвал протест у городокского предводителя дворянства П. А. Ренгартена: по его мнению, гражданские законы несовершенны, и «дать их в руки почти неграмотных судей» не представляется возможным, особенно если учесть, что волостной суд является патриархальным, решающим дела по совести. Поэтому он предлагал сохранить обычное право, вводя лишь подтверждение обычая приговором схода или свидетельством стариков [2, с. 96].

Упразднение волостного суда с передачей дел из его ведения земским начальникам или мировым судьям рассматривалось как одно из радикальных средств. Дело в том, что вопрос о возможной реформе во многом связывался с проблемой охраны сельскохозяйственной собственности – в частности, об этом говорил на заседании Виленского губернского комитета член Совета Виленского общества сельского хозяйства В. И. Батурин. В связи с этим член губернского по крестьянским делам присутствия Ф. А. Иванов предлагал ходатайствовать о скорейшем введении института земских начальников [1, с. 2].

В Витебском губернном комитете при рассмотрении предложения Дриссенского комитета об упразднении волостных судов имела место дискуссия.

Землевладелец Ф. А. Половцев (который и был одним из инициаторов этого решения) полагал, что даже введение земских начальников не спасло репутацию волостной юстиции, поэтому нужно передать дела из ее ведения либо мировым судьям, либо земским начальникам. Его поддержал присяжный поверенный В. И. Федорович, заявивший о высокой роли личных отношений и пристрастности суда по этой причине (судьи находились в количестве родственных и свойственных отношениях со значительным количеством крестьян) [2, с. 92–93].

Напротив, землевладелец В. И. Цехановецкий утверждал, что, со слов крестьян, суд значительно исправился после реформы 1889 г. Председатель комитета, губернатор И. И. Чепелевский защищал волостной суд как дешевый, близкий и понятный населению, а также напирал на дороговизну передачи дел из его ведения земским начальникам. В качестве компромисса комитет остановился на предложении присяжного поверенного Э. Л. Бутковского о необходимости отказа от обычного права при вынесении решений, а также счел целесообразным возложить содержание суда и на другие сословия путем уплаты пошлин [2, с. 93].

В качестве одного из способов реорганизации волостного суда вносились предложения введения в него интеллигенции и местных землевладельцев в рамках организации всесословного суда. Сторонник этого подхода, мировой посредник Белостокского уезда В. Р. Шольпин исходил из того, что мировой судья мало связан с деревенской жизнью, в то время как для крестьян необходим быстрый и понятный суд. Поэтому, не отрицая недостатков волостного суда, он выступал за введение в состав суда «образованного председателя» с обязательной возможностью апелляции [3, с. 319].

Дисненский комитет предложил ввести для разбора дел о мелких правонарушениях против собственности всесословный суд присяжных, в состав которого вошли бы местные землевладельцы и арендаторы [1, с. 97]. Местный землевладелец Н. С. Бернович в письме председателю комитета также вносил предложение несколько расширить компетенцию такого суда, территориальную его организацию привязать к участку земского начальника и в качестве его председателя назначить мирового судью или земского начальника (это объяснялось тем, что население в большинстве своем плохо знает законодательство) [1, с. 99].

Председатель съезда мировых судей Сморгонского округа Е. П. Дахневский резко критиковал волостной суд, отмечая его безнравственность и несообразность, поскольку степень наказания за проступки оказывается внутри деревни достаточно мягкой (мелкая кража, совершенная крестьянином у односельчан, наказывалась штрафом или арестом, а у помещика – тюремным заключением до 3 месяцев). Именно поэтому он предлагал упразднить волостной суд и заменить его единым всесословным [1, с. 179].

К этим предложениям примыкал и вопрос об образовательном цензе – либо для самих судей, либо за счет возглавления суда представителями других сословий. Ошмянский комитет выработал проект реформы, которая заключалась в следующем. Волостные суды подлежали упразднению, а обычное право – кодификации (эту работу должны были провести волостные сходы). В случае невозможности упразднения предлагалось модернизировать суд: ввести возрастную (не менее 35 лет) и образовательный (не ниже курса народного училища) цензы для судей, назначить им содержание из мирских сумм, установить возможность обжалования решений и ввести институт почетных волостных судей (из числа местных помещиков, которые утверждались бы в этой должности губернатором), осуществляющих председательство в суде [1, с. 179–180].

Земский начальник Д. М. Потемкин предлагал Минскому уездному комитету схожий проект реформы. В основе его мотивации лежала не проблема квалификации и нравственного ценза судей («народные судьи нередко берут взятки и «опивают» тяжущихся, надеющихся, что это повлияет на благоприятный исход тяжбы»). Согласно проекту председатели волостных судов должны были избираться общим собранием всех землевладельцев волости из своей среды (независимо от сословий, но за исключением евреев); при этом компетенция суда должна была сузиться [5, с. 186–187].

Подобная мотивация была и у автора поданной на эту тему в Пинский комитет записки, землевладельца Б. Г. Скирмунта: «Все зло наших волостных судов заключается в том, что судья избирается исключительно из среды неинтеллигентного сословия, имеющего мало развитое понятие о правосудии и о существенных законах». Выход им виделся только один – осуществлять выборы председателей судов «из среды интеллигентного сословия» [5, с. 356–357].

Землевладелец Л. К. Домейко, руководствуясь аналогичными соображениями, предлагал Слонимскому комитету допустить возможность избирать помещиков-дворян не только председателями, но и членами волостных судов [3, с. 534].

В качестве паллиативной меры рассматривалось создание единого устава о наказаниях, налагаемых волостными судьями. Гомельский комитет высказывал опасения, что после введения земских начальников волостные суды, став обязанными рассматривать те дела, которые находились в юрисдикции мировых судов, еще больше усугубят деревенское правосудие. Поэтому, по мнению комитета, следовало издать устав для волостных судов по гражданским и уголовным делам (а их председателями назначать лиц с образовательным цензом, реформировав тем самым организацию суда по образцу гминных судов Привисленского края) [6, с. 73].

Могилевский губернский комитет считал распространение общих законов на все сельское население преждевременным, но признал, что в связи с широкой вариативностью мер наказаний, налагаемых волостными судами, необходимо издать единый устав о наказаниях для волостных судов [6, с. 10].

Подводя итоги, отметим, что согласно полученным данным, самая значимая доля проектов радикального переустройства крестьянского правосудия (упразднение волостного суда, передача дел из его ведения мировым судьям, переход к всеобщему волостному суду, создание апелляционной инстанции) приходилась на комитеты тех губерний, в которых сохранились мировые суды. В губерниях, в которых действовали земские начальники, предлагаемые меры в основном сводились к кодификации или отказу от обычного права и паллиативным изменениям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. IV. Виленская губерния. – Санкт-Петербург, 1903. – 212 с.
2. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. V. Витебская губерния. – Санкт-Петербург, 1903. – 534 с.
3. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XI. Гродненская губерния. – Санкт-Петербург, 1903. – 544 с.
4. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XVI. Ковенская губерния. – Санкт-Петербург, 1903. – 185 с.
5. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXI. Минская губерния. – Санкт-Петербург, 1903. – 435 с.
6. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXII. Могилевская губерния. – Санкт-Петербург, 1903. – 167 с.

УДК 94:316.3:314.117(476.4) «193»

М. И. Старовойтов

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1930-Х ГОДОВ

Аннотация. Впервые в белорусской историографии на основе оригинальных рассекреченных архивных материалов переписи 1939 г. показана социальная структура городского и сельского населения Могилевской области как результат экономической, социальной и политической мобилизационной трансформации советского общества. Абсолютное большинство белорусов проживало в сельской местности и было занято в аграрном секторе экономики, что являлось сдерживающим фактором в росте их уровня грамотности и образования. Социальная характеристика населения областей БССР позволяет дать адекватную оценку при исследовании социокультурного облика всего белорусского общества, достигнутого к концу 1930-х гг.

Ключевые слова: Могилевская область, материалы переписи 1939 г., городское и сельское население, социальная структура, белорусское общество.

В условиях советской модернизации произошли коренные преобразования в социально-классовой структуре как в СССР, так и в каждой союзной респуб-